

УДК 94(47)"1879/1952":821.161.1.09

DOI: 10.37482/2687-1505-V150

БЕЛОВ Сергей Геннадьевич, старший научный сотрудник лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Федерального исследовательского центра «Казанский научный центр Российской академии наук» и Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Автор 40 научных публикаций, в т. ч. двух монографий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6629-330X>

СУСЛОВ Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления, истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч. 8 монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2926-8102>

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ НА ИЗЛОМЕ ИСТОРИИ (о чистопольском враче Д.Д. Авдееве – прототипе доктора Живаго)

Рассматривается биография провинциального доктора Дмитрия Дмитриевича Авдеева (1879–1952) на фоне драматических событий отечественной истории XX века. С помощью методов интеллектуальной истории и микроисториографии создается своеобразный «портрет провинциального врача на фоне эпохи», проявляющего себя в различных ситуациях культурного выбора. Анализируется воздействие судьбы Авдеева на образ доктора Живаго – героя известного романа Б.Л. Пастернака, воплотившего в себе лучшие черты российской интеллигенции: подвижническую культуру, стремление к общественной пользе, отказ от материальных благ, верность вневременным гуманистическим идеалам. Описываются происхождение, семья Д.Д. Авдеева, процесс его профессионального становления. Исследуются быт и медицинская практика рядового провинциального врача начала XX века, в т. ч. в тяжелое время Гражданской войны и голода 1921–1922 годов в Поволжье. Подчеркивается, что воспоминания Д.Д. Авдеева об этих трагических событиях, которыми он делился в кругу писателей в период их эвакуации в Чистополь и Елабугу (1941–1943), нашли прямое и косвенное отражение на страницах романа «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака. Дом Авдеевых в Чистополе в годы войны стал своеобразным писательским клубом и литературным салоном. Делается вывод, что драматический разрыв дум и мечтаний Д.Д. Авдеева (и доктора Живаго, а также, в какой-то мере, самого Б.Л. Пастернака) с действительностью постреволюционной России, их скованность рамками эпохи все же были преодолены благодаря духу творчества, посредством поиска истины в служении российскому народу. Исследование обогащает представления о судьбах и моделях поведения российской интеллигенции в переломную эпоху, может быть использовано в междисциплинарных трудах по интеллектуальной истории России XX века и литературоведению.

Ключевые слова: Дмитрий Дмитриевич Авдеев, интеллектуальная история России XX века, провинциальный врач, революция, Чистополь, эвакуация интеллигенции, Борис Леонидович Пастернак, Живаго.

*Адрес: 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31, а/я 261; e-mail: sgb-79@mail.ru

**Адрес: 420015, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 68; e-mail: fsgtkstu@yandex.ru

Для цитирования: Белов С.Г., Суслов А.Ю. Провинциальный интеллигент на изломе истории (о чистопольском враче Д.Д. Авдееве – прототипе доктора Живаго) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V150

Главный герой романа Б.Л. Пастернака доктор Живаго – это собирательный образ, олицетворяющий собой российского интеллигента¹, в начале XX века прошедшего через жернова трех революций, Первой мировой и Гражданской войн, радикально изменивших историю страны. Естественно, основным его прообразом является сам Б. Пастернак со своим сложным, трагичным внутренним миром, метаниями и противоречивым отношением к революции и советской власти. В то же время общеизвестно, что при создании исторической канвы романа и образа Живаго писателем были использованы детали судеб и черты ряда других реальных людей. Одним из них стал известный чистопольский врач Дмитрий Дмитриевич Авдеев, с семьей которого Пастернак, как и многие другие эвакуированные в годы Великой Отечественной войны в Чистополь советские писатели, тесно общался и дружил, а дом которого стал своеобразным писательским клубом и литературным салоном [1, с. 13]. Поэтому биография этого человека представляет интерес не только с литературоведческой, но и с исторической точки зрения – для изучения судеб и моделей поведения интеллигенции в эпоху социальных перемен.

Феномен писательской эвакуации и превращения на некоторое время провинциального Чистополя в центр литературной жизни Советского Союза давно привлекал внимание как литературного сообщества, так и исследователей советской культуры, краеведов, историков. Толчок более оживленному изучению этой темы дал вышедший в 1987 году сборник «Чистопольские страницы: Стихи, рассказы, повести, дневники, письма, воспоминания» (автор-составитель – Г.С. Муханов, сбор материалов – Н.С. Харитонова) [2]. В 1990–2000-е годы количество подобных публикаций резко возросло, в т. ч. зарубежных [3, 4]. Особо нужно выделить фундаментальные работы Н.А. Громовой – ведущего научного сотрудника Государственного музея истории российской литературы имени

В.И. Даля [5–7] – и академика Академии наук Республики Татарстан Н.М. Валеева [1]. Тему писательской эвакуации в Чистополь развивают местные краеведы и ученые [8–10]. В этой мемориальной и научной литературе связь «Авдеев – Пастернак – Живаго» получила достаточно убедительное отражение.

Наряду с изучением глобальных исторических процессов в масштабе стран, народов, классов, все более актуальным становится изучение истории отдельных социальных групп, личности человека через призму подходов исторической антропологии, микроистории и мультидисциплинарности. Целью данной работы является исследование биографии Д.Д. Авдеева как яркого классического представителя российской провинциальной интеллигенции в переходный период отечественной истории.

Д.Д. Авдеев происходил из старинного мещанского (затем ставшего купеческим) рода, обосновавшегося в Чистополе не позднее конца XVIII – начала XIX веков. Все его известные предки и родственники по мужской линии, включая дядей, отца, родного и двоюродных братьев, и даже бабушка Елена Васильевна, волевая и властная женщина, прожившая более 90 лет, занимались торговлей хлебом, кирпичным производством и другими видами коммерции. Уже здесь можно увидеть некоторую аналогию с доктором Живаго, отец которого также был коммерсантом, в то время как сам Пастернак происходил из творческой семьи. К началу XX века магазины фирмы Авдеевых, уже не только в Чистополе, но и в Уфе и Челябинске, торговали фарфором и фаянсом, хрусталем, лампами, бронзовыми и мельхиоровыми изделиями, самоварами, кофейниками, подносами, эмалированной посудой, зеркалами, иконами, венской мебелью, револьверами, алмазами и прочими скобяными, гончарными и иными товарами русских и зарубежных фабрик. Также Авдеевы торговали на всех основных ярмарках Камско-Уральского региона. Дела велись

¹Мы понимаем под интеллигенцией интеллектуально-нравственную характеристику личности через призму таких качеств, как духовность, ответственность, долг, честь, совесть, рационализация и самопознание.

с большим географическим и экономическим размахом. Среди их поставщиков были, например, «Товарищество фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова» – крупнейший производитель фаянсовой и фарфоровой посуды в России и Европе, различные предприятия в Москве, Московской губернии, Туле, Царстве Польском, Сибири, Баку и даже знаменитый металлический завод Артура Круппа в Берндорфе. Оборот векселей фирмы превышал 100–150 тыс. р. в год, что говорит о ее высокой деловой репутации и стабильном финансовом положении [11]. Здания усадеб и магазинов Авдеевых сохранились в Чистополе² и Челябинске.

Интересный исторический факт был связан с Иваном Авдеевым – дядей Дмитрия Дмитриевича. Во время первой русской революции в 1907 году уфимская группа «анархистов-коммунистов-террористов», как они сами себя называли, потребовала у него 500 р. на террор и пропаганду, затем подложила к дому артиллерийский снаряд со взрывчаткой и зажженным фитилем, но проходивший мимо сторож успел отбросить его в снег и погасить горящий шнур; злоумышленников не нашли [13, с. 12–13].

Авдеевы не только играли заметную роль в экономике указанных городов, но и входили в состав городских дум, занимались благотворительностью. Например, Иван Дмитриевич (старший брат Дмитрия Дмитриевича, наследовавший семейное дело) в 1911–1917 годах был почетным смотрителем высшего начального училища и членом правления Общества попечения о начальном образовании в Челябинске, получив золотую александровскую медаль «За усердие». В 1919 году его избрали председателем Челябинской торгово-промышленной палаты. Он активно поддержал белое движение и адмирала Колчака и во время прибытия того в Челябинск лично преподнес ему хлеб-соль и произнес приветственную речь. Позже от имени торгово-промышленной палаты он выразил желание учредить стипендии имени командую-

щего колчаковской Западной армией генерала Ханжина и его супруги для учащихся ремесленного училища и женской гимназии. Дальнейшая судьба Ивана Авдеева пока не известна.

Сам Д.Д. Авдеев родился в Чистополе 5 января (по старому стилю) 1879 года и был младшим в семье после сестры Прасковьи и брата Ивана. Довольно рано, в 16-летнем возрасте, остался без матери: Агрипина Степановна умерла в 48 лет, находясь в Туле. Отец – Дмитрий Тимофеевич умер от тифа и «рожистого воспаления» в сентябре 1912 года.

В 1894 году Дмитрий окончил Чистопольское духовное училище, в 1900 году – Казанскую духовную семинарию с оценками «хорошо», «очень хорошо» и «отлично». Однако он не пошел ни по наследственной купеческой, ни по духовной стезе и поступил на медицинский факультет университета в западносибирском Томске. Сложно сказать, почему Дмитрий выбрал такой удаленный вуз, а не вуз в Казани. Будучи студентом, он женился на Елене Павловне – дочери чиновника из именитого дворянского рода Рылеевых, в Томске у них родился первый сын Арсений. Подобный брак – дворянки с сыном купца, ставшим врачом, – показывает, как в обществе Российской империи все сильнее происходило размывание словесных границ.

Весной 1905 года из-за революционных брожений Томский университет закрыли, распустив всех студентов по домам. Сам Авдеев во время обучения считался политически благонадежным. В апреле того же года он вернулся в родной Чистополь и в мае по предложению земской управы занял должность заведующего VI медицинским участком уезда с центром в селе Изгары. Первоначально Авдеев числился в звании студента, «исполняющего должность врача», и только в октябре 1906 года, сдав итоговые экзамены в Томске и получив диплом (с отличием), стал полноценным врачом.

²Примечательно, что именно в нем в 1941–1943 годах в эвакуации жили семьи литераторов Леонова, написавшего здесь пьесу «Нашествие», и Сельвинского [12, с. 397].

Село Изгары (оно же – Никитино городище, Рождественское), располагавшееся в 25 верстах от Чистополя, было большим русским селением и крупным административно-хозяйственным, социально-культурным центром округи. Здесь находились волостное правление, квартиры участкового земского начальника и полицейского урядника, земская школа, церковь, т. е. в Изгарах было достаточно образованных людей из числа госслужащих, священнослужителей, учителей, с которыми могло тесно общаться семейство Авдеевых. В селе проживало 2,5 тыс. чел. – бывших крепостных крестьян (среди местных помещиков в XIX веке были даже Суворовы-Рымникские – потомки генералиссимуса Суворова).

Карьера молодого доктора начиналась в непростых условиях первой русской революции. В бывших помещичьих селах типа Изгар особенно остро ощущалось малоземелье и сильно проявлялось крестьянское недовольство. Изгарские крестьяне активно выступали против волостного начальства и владельцев местных экономий дворян Жуковых и чистопольского купца Логотова, имение которого пытались поджечь в 1906 году [14, л. 3–7].

На Авдеева, как и на всех земских врачей, легла огромная нагрузка. Руководимый им участок кроме Изгарской охватывал еще 5 волостей и был самым большим в уезде по числу населенных пунктов (52). В нем проживало свыше 50 тыс. русских, татар и чувашей – христиан, мусульман и даже язычников. Кроме больницы в Изгарах, на участке работали фельдшерские пункты в Чебоксарке и Саврушах.

О напряжении, с которым приходилось трудиться Авдееву, отчетливо свидетельствуют цифры статистики. Масштабы медицинской помощи населению при Авдееве стабильно расширялись. Распространялась информация о молодом, хорошем докторе, доверие людей увеличивалось, они преодолевали свои суеверия, страхи и предрассудки и чаще обращались за врачебной помощью, реже шли к различным знахарям, повитухам. Свыше половины приходивших к Авдееву пациентов были татарскими

и чувашскими крестьянами, зачастую почти не говорившими по-русски, поэтому он учился понимать и эти языки. Авдеев старался больше принимать пациентов сам, изживая так называемый фельдшеризм, когда подавляющее большинство пациентов в земской медицине лечили не врачи, а младший медперсонал, в массе своей окончивший школы ротных фельдшеров с низким уровнем подготовки.

Официально на прием у врача отводилось время с 9 до 13 ч. ежедневно, кроме воскресений, двенадесятых праздников, трех дней Пасхи, двух дней Рождества и Нового года. Тяжелые и экстренные больные принимались в любой день и любое время суток. В реальности же в эти часы приема уложиться было абсолютно невозможно. Например, в 1911 году Авдеев один принял амбулаторно в больнице 20 тыс. пациентов (9 тыс. – повторно) [15, с. 411], в 1914 году – почти 15 тыс. первичных и более 12 тыс. повторных больных, т. е. в сумме свыше 27 тыс., фельдшеры участка – 22 500 и 10 300 соответственно [16, с. 264]. Таким образом, ежедневно Авдеев принимал в среднем до 100 чел., а в иные дни – до 200! Кроме приемов в больнице, Авдеев выезжал к тяжелым больным в деревни и выполнял функции скорой помощи, число таких больных достигало 160–170 в год. Больница в Изгарах имела 10 основных и 5 запасных коек. Фактически же в ней одновременно лечились 20 и более чел., стационарное лечение получали до 290 чел. в год. За годы работы Авдеева смертность стационарных больных снизилась с 5 до 3 % [15–18].

При этом земский врач должен был быть универсалом, в одиночку леча десятки всех возможных взрослых и детских болезней. Также Авдеев своими руками ежегодно проводил десятки хирургических операций, по мере роста его опыта увеличивались их число (с 11 в 1907 году [17, с. 258] до 67 в 1914 году [16, с. 271]) и сложность: ампутации, удаление новообразований (раковых, глазных и др.), проколы живота при водянке, вырезание атеромы, вскрытие брюшной полости, зашивание рваных ран и открытых переломов, удаление катаракты,

резекция ребра, извлечение камней, пластика и ринопластика, стоматологические операции, удаление полипов, извлечение плода при патологии, отделение плаценты, извлечение дробы, пуль, игл, пришивание оторванных носов и ушей и др. Все это приходилось делать фактически одному, без ассистентов, анестезиологов. Также вместе с акушеркой Авдеев ежегодно принимал до нескольких десятков сложных родов. В феврале 1908 года здесь же, в Изгарской больнице, его жена Елена родила второго сына Валерия.

Во время практически ежегодных эпидемий дифтерии, скарлатины, брюшного тифа, гриппа, оспы, сибирской язвы, рожи, коклюша, крупа, кровавого поноса Авдеев выезжал в их очаги и зараженные селения. В результате борьбы с эпидемиями смертность от инфекций на его участке снижалась: в 1910 году из 1126 инфекционно-эпидемических больных умерло 87 [18, с. 294–301], в 1914 году из 1081 – только 40 [16, с. 276–285].

Кроме того, Авдеев вел санитарный надзор за учебными заведениями, водоснабжением, вакцинацией, осуществлял санитарные и медико-статистические обследования, ежегодно предоставлял земской управе и другим органам подробные отчеты, проводил судмедэкспертизу, в т. ч. вскрытие трупов, осматривал новобранцев на военную службу. Он руководил штатом Изгарской участковой земской больницы, кроме его и фельдшера включавшим санитаров, сиделку, больничного и аптечного служителей, экономку, дворника, кухарку, прачку; контролировал больничное хозяйство, заготовку и расходование припасов, медикаментов, аптеку при больнице, где бесплатно отпускали лекарства, которые он сам и готовил, контролировал фельдшерские пункты в Чебоксарке и Саврушах.

Помимо этого, Авдеев успевал активно участвовать в работе совета врачей уезда, где, в частности, предложил страховать медперсонал во время эпидемий, выплачивать семьям умерших врачей пособия и пенсии. Он принимал участие в социально-гигиеническом просвещении, земской работе с населением как лектор народных чтений по проблемам пьянства,

эпидемий, сохранения здоровья, ухода за детьми и т. д.

Непосредственно с Авдеевым связано строительство новой Изгарской земской больницы. Первый ее деревянный комплекс был построен еще до него, в 1898 году. Со временем он пришел в ветхость, из-за постоянного роста количества пациентов, проводимых операций места стало явно не хватать, поэтому Авдеев добился от земского собрания выделения средств (что показывает его авторитет) и постройки в 1912–1917 годах новых каменных зданий больницы и дома врача, деревянной прачечной. В результате число постоянных коек было увеличено вдвое – до 20 при 5 запасных, максимальное количество одновременно стационарных больных достигло в 1914 году 36 чел., превысив порог в 305 чел. в год [16, с. 269]. Авдеев вместе с земским техником Вотяковым лично контролировал проведение работ, поставки стройматериалов и т. п. Больница продолжала действовать в качестве участковой практически до недавних лет. К сожалению, ее здание, хоть и было включено в региональный реестр как памятник гражданской архитектуры в стиле рационалистического модерна с элементами классицизма [12, с. 427], в 2000-х годах было заброшено и разрушено.

При всем этом, несмотря на огромную профессиональную занятость, Авдеев еще находил время для помощи людям не только на медицинском поприще. Так, он был инициатором, организатором и первым председателем правления сельского кооператива в Изгарах, также он организовал в селе «народный дом» с библиотекой-читальней и самодеятельным театром, где выполнял функции не только председателя правления, но и кассира, артиста и режиссера. Учитывая всю описанную нагрузку, остается только удивляться, как все это мог делать один человек.

Дмитрий Авдеев не служил в армии, числясь ратником ополчения (запаса) 1-го разряда, не участвовал в Первой мировой войне. К установлению власти большевиков он отнесся лояльно. Гораздо позднее, в заявлении на вступление в компартию он писал, что с самого

начала Октябрьской революции состоял почти бессменным членом комиссии по призыву в ряды Красной армии, т. е. он принял советскую власть и продолжил работать при ней и на нее. Братья Иван и Дмитрий Авдеевы оказались по разные стороны баррикады.

Чистополь с прилегающим уездом, Изгарская волость оказались в эпицентре самых трагических событий Гражданской войны. Дважды они становились ареной кровопролитных боев красных и белых. В конце августа 1918 года все Закамье, включая Чистопольский уезд, на три месяца было занято частями Поволжской армии Комуча и чехословацкого легиона. В это время в уезде активно действовали отряды красных партизан, что отражено в романе Пастернака, где доктор Живаго был врачом в отряде. А 25 апреля 1919 года части Западной армии Колчака под командованием того самого генерала Ханжина, которого в Челябинске незадолго до этого чествовал Иван Дмитриевич Авдеев, заняли Чистополь и уезд, в т. ч. Изгарскую волость. На линии Изгары – Старое Ромашкино – Малый Толкиш – Булдырь с 23 по 25 апреля шли наиболее упорные бои. Однако уже 1 мая силы красных перешли в наступление и к 9 мая освободили территорию уезда [19; 20, с. 225].

В Изгарах Авдеев проработал до 1 апреля 1922 года, поэтому стал непосредственным очевидцем и невольным участником всех трагических событий тех лихих лет [21]. На его глазах происходили красный и белый террор, продразверстки, экспроприации, переделы земли, классовая борьба, крестьянские восстания, в т. ч. Вилочное 1920 года, в зоне которого оказались и Изгары. Он пережил страшнейший голод 1921–1922 годов, пик которого пришелся на февраль–март 1922 года, когда за зиму были окончательно истощены все запасы продовольствия, люди ели даже нефтебитуминозную глину, бросались в колодцы от мучений; в Чистопольском кантоне³ от голода умирало по

13 тыс. чел. еженедельно, только в марте 1922 года умерло 26 тыс. чел., регистрировались десятки случаев людоедства. Одновременно тысячи жизней уносила эпидемия брюшного тифа. В апреле и мае 1922 года смертность от голода снизилась, но все равно составляла 12 и 4 тыс. чел. соответственно [22, с. 26–27, 32–33, 40–41]. Таким образом, перевод в Чистополь, возможно, спас Авдеевых от голодной смерти.

Представляется вполне вероятным, что именно рассказы Авдеева обо всех этих трагических событиях нашли прямое и косвенное отражение на страницах романа «Доктор Живаго», посвященных революционным событиям 1917 года и Гражданской войне.

После перевода в 1922 году постановлением кантисполкома на работу в Чистополь Авдеев в разные годы заведовал лечебным отделом кантздрава, кантздравотделением, роддомом, заразным (инфекционным) корпусом 1-й Советской больницы им. М. Вахитова, трудился судмедврачом, врачом дома младенца и амбулаторным врачом. Будучи заведующим кантонным здравотделением, стал одним из главных инициаторов создания и организаторов Берсутского дома отдыха, который продолжает оздоравливать людей и сегодня. Также по его инициативе в Чистополе была открыта городская общественная баня. В апреле 1928 года его назначили заведующим инфекционным отделением 1-й Советской больницы. Авдеев неоднократно временно исполнял обязанности главного врача больницы.

Ситуация с инфекциями в ТАССР в целом и Чистопольском районе в частности оставалась напряженной. Частыми были эпидемии скарлатины, брюшного тифа, дизентерии, дифтерии. При этом инфекционное отделение, которое принял Дмитрий Дмитриевич, было в запущенном состоянии, и работать приходилось в условиях нехватки персонала, белья, растворов и приспособлений для дезинфекции, помещений, отсутствия систем дезинфекции, возможности

³Кантон – административно-территориальная единица в Татарской Автономной Советской Социалистической Республике (ТАССР) в 1920–1930 годах.

нормальной санитарной обработки поступающих больных, прививок, лечебной сыворотки, при слабой лабораторной базе [23, л. 388–390].

На рубеже 1920–1930-х годов советская медицина функционировала по классовому принципу – в первую очередь и бесплатно обслуживали батраков, бедняков, колхозников и т. д. (в составе выездных бригад Авдеев регулярно выезжал в села во время посевной кампании). Кулаков же и иные «нетрудовые элементы» лечили только за деньги по установленной таксе. Так, однажды в марте 1930 года Авдеев с амбулаторного приема направил в заразное отделение больного брюшным тифом по фамилии Гагарин. А вскоре из местного уголовного розыска пришел запрос: «...на основании определения какого врача лишенец из д. Лебяжье Алексеевской волости Гагарин Семен был принят в больницу, взималось ли с него денег как с нетрудового элемента за прохождение комиссии и за лечение» [23, л. 121].

После открытия в апреле 1937 года отдельной инфекционной больницы Авдеев, как инфекционист с уже большим опытом, перешел туда сначала на должность заведующего отделением, а в октябре того же года был назначен главврачом. Объем работы врачей, в особенности инфекционных, по объективным причинам резко вырос в годы Великой Отечественной войны. В основном за счет приезжих и эвакуированных, в 1942 году количество случаев сыпного тифа в Чистополе по сравнению с 1941 годом увеличилось в 10 раз. В среднем ежемесячно регистрировалось до 15 случаев дифтерии. Росла завшивленность, т. к. из-за холода приходилось учиться и работать в верхней одежде, не хватало мыла [24, л. 43]. Это увеличило нагрузку на инфекционную больницу.

Благодаря слаженной совместной работе местных медиков и эвакуированных врачей в городской чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемическими заболеваниями, в состав которой вошел и Авдеев (и находился в гуще всей работы), в Чистополе, в отличие от Казани, Зеленодольска, Бондюги и Бугульмы, больших эпидемий, массовых пищевых отравлений удалось избежать.

Авдеева, как и прежде, отличала активная жизненная позиция, он продолжал вести широкую общественную деятельность: читал лекции в совпартшколе, фельдшерско-акушерской школе, на курсах сестер Общества Красного Креста. Дважды избирался депутатом Чистопольского городского Совета трудящихся, в котором возглавлял медицинскую секцию. Он председательствовал в правлении профсоюза работников медсантруда, затем был председателем бюро его врачебной секции, членом научной секции. В 1943 году, уже в более чем зрелом возрасте, вступил во Всесоюзную коммунистическую партию большевиков.

При этом Д.Д. Авдеев был человеком высочайшей культуры и художественных дарований, что позволило ему близко сойтись с корифеями отечественной литературы. Многие он передал своим сыновьям: Арсению (1901–1966) – искусствоведа и театроведа, кандидату исторических наук, сотруднику Института этнографии Академии наук СССР; Валерию (1908–1981) – геоботанику, доктору биологических наук.

Авдеев, как чуткий, отзывчивый, подлинно народный доктор, всегда пользовался большой любовью населения, авторитетом у коллег, передавал свой опыт молодым врачам. Его профессиональные и общественные заслуги не раз отмечались, он удостоен государственных наград.

Д.Д. Авдеев скончался в 1952 году. Скромные могилы его и его жены на старом городском кладбище Чистополя символично расположены рядом с величавыми мраморными монументами его предков-купцов.

В подшитом к студенческому делу Авдеева «Факультетском обещании» есть такие строки: «Принимая с глубокой признательностью даруемые мне наукою права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни не помрачать чести сословия, в которое ныне вступаю. Обещаю во всякое время помогать... прибегающим к моему пособию страждущим... продолжать изучать врачебную науку и способствовать всеми своими силами ее процветанию... быть справедливым к своим

товарищам врачам...» [25, л. 27 об.]. Без преувеличения, эти обещания стали главными принципами Авдеева, которым он неукоснительно следовал всю свою жизнь.

Таким образом, личность Дмитрия Дмитриевича Авдеева представляет собой типичный пример классической дореволюционной народной интеллигенции, которая, несмотря на радикальную смену политического строя и тяжелую обстановку, всю жизнь продолжала самоотверженно служить людям. Александр Фадеев записал в своих дневниках: «Не могу я с интересом читать про чеховских интеллигентов. Если я знаю такого врача, как чистопольский Дмитрий Дмитриевич Авдеев, который в невыносимых условиях проработал среди чистопольских крестьян-татар. Большой, красивый, сильный человек, который так же далек по незаурядной биографии своей, по могучей

индивидуальности своей от чеховских героев, как король Лир от Чебутыкина» (цит. по: [7, с. 130]). Писатель Петр Павленко видел в Дмитрие Дмитриевиче Авдееве «человека весьма замечательного, достойного изучения и описания, отличнейшего советского интеллигента» (цит. по: [10]).

Насыщенная, драматическая биография Авдеева тесно переплеталась с драматическими историческими событиями и процессами первой половины XX века в России. Его жизнь ставит вечные вопросы отечественной интеллигенции: о разрыве между думами и мечтами ее представителей и действительностью, проблеме нравственного выбора, самоотречения. Она сама может служить сюжетом романа-эпопеи. При дальнейшем внимательном изучении биографии Д.Д. Авдеева наверняка будет обнаружено еще много параллелей с образом доктора Живаго.

Список литературы

1. Валеев Н.М., Сарчин Р.Ш. Чистополь литературный: энцикл. Казань: Заман, 2017. 560 с.
2. Чистопольские страницы: Стихи, рассказы, повести, дневники, письма, воспоминания / [сост., авт. вступ. ст. и примеч. Г.С. Муханов]. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 351 с.
3. Zharkynbayeva R. The Evacuation Policy of the Soviet Union During the Second World War // J. Slav. Mil. Stud. 2020. Vol. 33, № 3. P. 403–419. DOI: [10.1080/13518046.2020.1824110](https://doi.org/10.1080/13518046.2020.1824110)
4. Manley R. To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 282 p.
5. Громова Н.А. «Дальний Чистополь на Каме...»: Писательская колония: Москва–Чистополь–Елабуга–Москва. М.; Елабуга: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. 234 с.
6. Громова Н.А. Эвакуация идет... 1941–1944: Писательская колония. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. М.: Совпадение, 2008. 411 с.
7. Громова Н.А. Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. М.: АСТ, Corpus, 2019. 649 с.
8. Кондрашин Д.В., Печёнкин А.В., Печёнкина О.Ю. Литературный Чистополь. М.: Перо, 2015. 263 с.
9. Белов С.Г., Суслов А.Ю. Писательская эвакуация в Чистополь и Елабугу в годы Великой Отечественной войны (1941–1943): проблемы современного восприятия // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Ин-т истории Сиб. отд-ния РАН. Новосибирск: Параллель, 2020. С. 69–76.
10. Чикрина В.А. Обитель гениев пера: Л.М. Леонов в Чистополе // Чистопольский государственный историко-архитектурный и литературный музей-заповедник. URL: <https://chisto-muzei.ru/2014/03/obitel-geniev-pera-l-m-leonov-v-chistopole/> (дата обращения: 27.09.2021).
11. Гос. арх. Респ. Татарстан (ГАРТ). Ф. 51. Оп. 5. Д. 1129.
12. Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. Т. 1: Административные районы. Казань: Мастер Лайн, 1999. 458 с.

13. После революции (документы по истории антиправительственного движения и деятельности правоохранительных органов в Уфимской губернии в конце 1907 – первой половине 1914 годов): сб. док. / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2002. 84 с.
14. ГАРТ. Ф. 41. Оп. 4. Д. 680.
15. Отчет о действиях Чистопольской уездной земской управы Казанской губернии за 1911 год. Чистополь, 1912. 578 с.
16. Хозяйственный отчет Чистопольской уездной земской управы, Казанской губернии, за 1914 год, 51-му очередному уездному земскому собранию. Казань, 1916. 441 с.
17. Отчет о действиях Чистопольской уездной земской управы Казанской губернии с 1 июля 1907 года по 1 июля 1908 года. Казань, 1908. 395 с.
18. Отчет о действиях Чистопольской уездной земской управы Казанской губернии за 1910 год. Казань, 1911. 419 с.
19. *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 280 p.
20. *Мухарямов М.К.* Гражданская война в Татарии (1918–1919). Казань: Таткнигоиздат, 1969. 300 с.
21. *Недорезов М.В.* Хроника Великой российской революции в Чистополе // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2017. № 3/4. С. 84–91.
22. *Ахметова М.А.* Голод в ТАССР: Чистополь в 1920-е гг. Историко-документальные хроники. Казань: Изд-во АН РТ, 2019. 52 с.
23. ГАРТ. Ф. Р-2087. Оп. 1. Д. 5.
24. ГАРТ. Ф. Р-4330. Оп. 2. Д. 26.
25. Гос. арх. Томск. обл. Ф. 102. Оп. 2. Д. 20.

References

1. Valeev N.M., Sarchin R.Sh. *Chistopol' literaturnyy* [The Literary Chistopol]. Kazan, 2017. 560 p.
2. Mukhanov G.S. (comp.). *Chistopol'skie stranitsy: Stikhi, rasskazy, povesti, dnevniki, pis'ma, vospominaniya* [Chistopol Pages: Poems, Stories, Novellas, Diaries, Letters, Memoirs]. Kazan, 1987. 351 p.
3. Zharkynbayeva R. The Evacuation Policy of the Soviet Union During the Second World War. *J. Slav. Mil. Stud.*, 2020, vol. 33, no. 3, pp. 403–419. DOI: [10.1080/13518046.2020.1824110](https://doi.org/10.1080/13518046.2020.1824110)
4. Manley R. *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War*. Ithaca, 2009. 282 p.
5. Gromova N.A. "Dal'niy Chistopol' na Kame...": *Pisatel'skaya koloniya: Moskva – Chistopol' – Elabuga – Moskva* [The Far Chistopol on the Kama: The Writers' Colony: Moscow – Chistopol – Yelabuga – Moscow]. Moscow, 2005. 234 p.
6. Gromova N.A. *Evakuatsiya idet... 1941–1944: Pisatel'skaya koloniya. Chistopol'. Elabuga. Tashkent. Alma-Ata* [The Evacuation Proceeds... 1941–1944: The Writers' Colony: Chistopol. Yelabuga. Tashkent. Alma-Ata]. Moscow, 2008. 411 p.
7. Gromova N.A. *Noev kovcheg pisateley. Evakuatsiya 1941–1945. Chistopol'. Elabuga. Tashkent. Alma-Ata* [The Noah's Ark of Writers. 1941–1945 Evacuation. Chistopol. Yelabuga. Tashkent. Alma-Ata]. Moscow, 2019. 649 p.
8. Kondrashin D.V., Pechenkin A.V., Pechenkina O.Yu. *Literaturnyy Chistopol'* [The Literary Chistopol]. Moscow, 2015. 263 p.
9. Belov S.G., Suslov A.Yu. *Pisatel'skaya evakuatsiya v Chistopol' i Elabugu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1943): problemy sovremennogo vospriyatiya* [The Writers' Evacuation to Chistopol and Yelabuga During the Great Patriotic War (1941–1943): Problems of Modern Perception]. *Velikaya Otechestvennaya voyna v istoricheskoy pamyati naroda: izuchenie, interpretatsiya, uroki proshlogo* [The Great Patriotic War in the Nation's Historical Memory: Study, Interpretation, Lessons of the Past]. Novosibirsk, 2020, pp. 69–76.
10. Chikrina V.A. *Obitel' geniev pera: L.M. Leonov v Chistopole* [Abode of Geniuses of the Pen: L.M. Leonov in Chistopol]. *Chistopol State Historical, Architectural and Literary Museum Reserve*. Available at: <https://chisto-muzei.ru/2014/03/obitel-geniev-pera-l-m-leonov-v-chistopole/> (accessed: 27 September 2021).
11. *State Archives of the Republic of Tatarstan (SART)*. Coll. 51. Inv. 5. Fol. 1129 (in Russ.).

12. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Tatarstan. T. 1: Administrativnye rayony* [Collection of Historical and Cultural Monuments of the Republic of Tatarstan. Vol. 1: Administrative Districts]. Kazan, 1999. 458 p.
13. Rodnov M.I. (comp.). *Posle revolyutsii (dokumenty po istorii antipravitel'stvennogo dvizheniya i deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov v Ufimskoy gubernii v kontse 1907 – pervoy polovine 1914 godov)* [After the Revolution (Documents on the History of the Anti-Government Movement and the Activities of Law Enforcement Bodies in the Ufa Province in the Late 1907 – First Half of 1914)]. Ufa, 2002. 84 p.
14. *SART*. Coll. 41. Inv. 4. Fol. 680 (in Russ.).
15. *Otchet o deystviyakh Chistopol'skoy uездной земской управы Kazanskoy gubernii za 1911 god* [Report on the Actions of the Chistopol District Council of the Kazan Province for 1911]. Chistopol, 1912. 578 p.
16. *Khozyaystvennyy otchet Chistopol'skoy uездной земской управы, Kazanskoy gubernii, za 1914 god, 51-mu ocherednomu uездному zemskomu sobraniyu* [Economic Report of the Chistopol District Council, Kazan Province, for 1914, to the 51st Regular District Assembly]. Kazan, 1916. 441 p.
17. *Otchet o deystviyakh Chistopol'skoy uездной земской управы Kazanskoy gubernii s 1 iyulya 1907 goda po 1 iyulya 1908 goda* [Report on the Activities of the Chistopol District Council of the Kazan Province from 1 July 1907 to 1 July 1908]. Kazan, 1908. 395 p.
18. *Otchet o deystviyakh Chistopol'skoy uездной земской управы Kazanskoy gubernii za 1910 god* [Report on the Activities of the Chistopol District Council of the Kazan Province for 1910]. Kazan, 1911. 419 p.
19. Badcock S. *Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History*. Cambridge, 2007. 280 p.
20. Mukharyamov M.K. *Grazhdanskaya voyna v Tatarii (1918–1919)* [The Civil War in Tatarstan (1918–1919)]. Kazan, 1969. 300 p.
21. Nedorezov M.V. *Khronika Velikoy rossiyskoy revolyutsii v Chistopole* [The Chronicle of the Great Russian Revolution in Chistopol]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 2017, no. 3/4, pp. 84–91.
22. Akhmetova M.A. *Golod v TASSR: Chistopol' v 1920-e gg. Istoriko-dokumental'nye khroniki* [Famine in the TASSR: Chistopol in the 1920s. Historical and Documentary Chronicles]. Kazan, 2019. 52 p.
23. *SART*. Coll. R-2087. Inv. 1. Fol. 5 (in Russ.).
24. *SART*. Coll. R-4330. Inv. 2. Fol. 26 (in Russ.).
25. *State Archives of the Tomsk Region*. Coll. 102. Inv. 2. Fol. 20 (in Russ.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V150

Sergey G. Belov

Kazan Scientific Center of Russian Academy of Sciences;
Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies, Tatarstan Academy of Sciences;
ul. Lobachevskogo 2/31, a/ya 261, Kazan, 420111, Respublika Tatarstan, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6629-330X> e-mail: sgb-79@mail.ru

Aleksey Yu. Suslov

Kazan National Research Technological University;
ul. Karla Marksa 68, Kazan, 420015, Respublika Tatarstan, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2926-8102> e-mail: fsgtkstu@yandex.ru

A PROVINCIAL INTELLECTUAL AT THE BREAKING POINT OF HISTORY (on the Chistopol Doctor D.D. Avdeyev, the Prototype of Doctor Zhivago)

This article dwells on the biography of the provincial doctor Dmitry D. Avdeyev (1879–1952) unfolding during the dramatic events in 20th-century Russia. The methods of intellectual history and micro-historiography allow us to create a certain “portrait of a provincial doctor against the

For citation: Belov S.G., Suslov A.Yu. A Provincial Intellectual at the Breaking Point of History (on the Chistopol Doctor D.D. Avdeyev, the Prototype of Doctor Zhivago). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V150

background of the era”, who had to make cultural choices. The paper analyses the impact of Avdeyev’s life on the image of Doctor Zhivago, the protagonist in Boris Pasternak’s famous novel, who embodied the best features of the Russian intelligentsia: selfless devotion, action for the common good, disregard of material wealth, and commitment to the timeless humanistic ideals. Avdeyev’s origin and family as well as his professional path are described. Further, the paper studies the everyday life and practice of the ordinary provincial doctor in the early 20th century, including the period of the Civil War and famine of 1921–1922 in the Volga region. It is emphasized here that Avdeyev’s reminiscences of these tragic events, which he had shared with writers evacuated to Chistopol and Yelabuga (1941–1943), were directly and indirectly reflected in *Doctor Zhivago*. During the war, the doctor’s house in Chistopol became a kind of a writers’ club and a literary salon. It is concluded that the dramatic clash between Avdeyev’s (and Doctor Zhivago’s and, to some extent, Pasternak’s) thoughts and dreams and the reality of post-revolutionary Russia, as well as their being fettered by the actualities of the epoch were, nevertheless, overcome through the spirit of creativity and due to finding meaning in serving the Russian people. This paper provides deeper insights into the lives and behavioural patterns of Russian intellectuals during this landmark period and can be used in interdisciplinary research on the intellectual history of 20th-century Russia and in literary studies.

Keywords: *Dmitry Avdeyev, intellectual history of 20th-Century Russia, provincial doctor, revolution, Chistopol, evacuation of the intelligentsia, Boris Pasternak, Zhivago.*

Поступила 04.10.2021

Принята 14.01.2022

Received 4 October 2021

Accepted 14 January 2022